

8. **Матяш Н. Ю.** Зошит для лабораторних і практичних робіт з біології людини. – 8 кл [Текст] / Н. Ю. Матяш. – К.: Гала, 1997. – 64 с.
9. **Кузовникова Т. А.** Экология. Юнита 2. Экология человека [Текст] / Т. А. Кузовникова. – М.: Современный гуманитарный университет, 1999. – 93 с.

Надійшла до редколегії 27.01.11

УДК 130.3

А. В. Семушкин

Российский университет дружбы народов (г. Москва, Россия)

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Розглядається сутність та функція ціннісного виміру свідомості у системі освітньої парадигми. Увага автора концентрується на характеристиці своєрідності морально-естетичних ідеалів, а також їх ціннісної значущості у культурно-історичному процесі. Моральний та естетичний ідеали визначаються та оцінюються в їх епістемологічному та життєво-практичному вимірах.

Ключові слова: ціннісна свідомість, мораль, моральний ідеал, естетика, естетичний ідеал, нормативна етика, теоретична свідомість, практична свідомість, епістемологія, антропоморфізм.

Рассматривается существо и функция ценностного измерения сознания в системе образовательной парадигмы. Внимание автора концентрируется на характеристике своеобразия нравственно-эстетических идеалов, а также на их ценностной значимости в культурно-историческом процессе. Нравственный и эстетический идеалы определяются и оцениваются в их эпистемологическом и жизненно-практическом измерениях.

Ключевые слова: ценностное сознание, мораль, нравственный идеал, эстетика, эстетический идеал, нормативная этика, теоретическое сознание, практическое сознание, эпистемология, антропоморфизм.

The nature and functions of axiological measuring of consciousness in the system of education paradigm. The author pays attention on the characteristic of peculiarity of moral-aesthetic ideals and their axiological value in cultural-historical process. Ethic and aesthetic ideals are determined and valued in their epistemological and living-practical measuring.

Keywords: axiological consciousness, moral, ethic ideal, aesthetics, aesthetic ideal, normative ethics, theoretical knowledge, practical knowledge, epistemology, anthropomorphism

1. Место нравственного идеала в структуре морального сознания

В современных условиях особое значение для нравственного воспитания и образования личности приобретает учение об активных элементах морального сознания, в особенности о нравственном идеале. В нашей литературе этот важнейший раздел философских исследований менее всего обозначен. В работах на эту тему философско-гносеологическое существо вопроса остается почти незатронутым. В суждениях о нравственном идеале по большей части внимание акцентируется на его непосредственно-практическом, интуитивно-воспринимаемом содержании. Но этого недостаточно. Нравственный идеал – не только регулятивно-практический норматив человеческого поведения: он в то же время момент морального сознания и знания, форма морально-теоретического освоения действительности. Именно в качестве такого предмета философской этики он и напрашивается на рассмотрение. Автор не намеревается давать определение морального идеала, он согласен с общепризнанным его пониманием как «образца человеческого поведения»; в данном случае его интересуют философско-эпистемологические предпосылки, к которым восходит это образец поведения.

Нравственный идеал – особая категория морали. В структуре морального сознания он занимает преобладающее, избранное, место, ибо в нем концентрируется сущность самой нравственности. Именно он делает мораль практической величиной, ценностно обязательной инстанцией для человеческих поступков; в нем моральное сознание стремится найти примирение (разрешение) противоречий между совершенством своих устремлений и несовершенством эмпирического мира. Нравственность, лишенная идеала или забывшая о нем, превращается в аморализм или в ханжеское, псевдосозидательное морализаторство.

Как ни в какой другой стороне морального сознания, в идеале сосредоточена социально-ценностная энергия, общественная воля к ценностному преобразованию жизни. Им измеряется надежность духовных оснований, социальной жизни, жизнеспособность и созидательно-инновационное начало человеческой культуры. По идеалам, господствующим в обществе, можно судить о том, что это за общество, куда оно движется, каковы его возможности и исторические перспективы. Поэтому справедливо, что из всех совокупности моральных норм и предписаний выделяется нравственный идеал в качестве первоосновной духовной ценности и определяется как символ должного и справедливого, как высший показатель человеческого совершенства.

Однако то «высшее», что содержится в нравственном идеале, имеет конкретно-историческое происхождение. Как и сам их конкретный носитель (исторический индивид), моральные ценности, в том числе и идеал, исторически изменчивы и находятся в зависимости о степени развития общества и его социальной структуры. Взятые вне человеческой общности, они превращаются в абстрактную, умозрительную никого ни к чему не обязывающую символику. Поскольку мораль есть форма общественного сознания, нравственный идеал имеет общественную природу и служит лишь

этическим проявлением общественного идеала. По вопросу о конкретно-исторической детерминации нравственного идеала в современной философии и науке имеются достаточно обстоятельные и квалифицированные исследования. Гораздо менее исследованной представляется гносеологическая обусловленность идеала, т.е. предпосылки и возможности сознания, лежащие в основе нравственного опыта. Само понятие гносеологии морали только начинает входить в языковой обиход нормативной этики. А между тем без выяснения гносеологических условий моральных поступков нельзя говорить о нравственности как о предмете научно-философской этики. Тем когда речь идет о нравственном идеале.

В качестве особого типа познавательного отношения к миру нравственный идеал вытекает из специфики морального сознания, сущность которого может быть выражена далеко не однозначно. Можно дать несколько описаний морали, начиная от неопределенно-умозрительных (например, мораль есть способ к различению добра и зла) и кончая функционально-прикладными (мораль есть институт регулирующий человеческое поведение). Такие определения приемлемы, ибо отражают известные стороны моральной деятельности. Однако они отвлекаются от гносеологических условий морального опыта, в которых содержится первичное отличие морали от, например, математического или художественного творчества.

В основе морального знания, как и науки, лежит реальный факт или событие: поступок человека, образ его жизни, общественный строй, направление политики, правовое установление, то есть любое (преимущественно общественное) явление действительности. Но в освоении (отражении) этого факта мораль расходится как с естественнонаучным, так и профессиональным гуманитарным знанием. По своему специфическому механизму способ воспроизведения объекта в моральном сознании может быть определен как ценностное отражение действительности. Главный признак последнего – аксиологическая модальность, то есть свободно волевая predisposition исторического субъекта к деянию, к ценностному выбору или предпочтению, к реальному самоосуществлению.

Ценностная природа морального сознания находит свое конститутивное оформление в оценочно-долженствовательном взгляде на мир. В последнем, собственно, и состоит гносеологическая особенность морали как института нормативной регуляции. Нравственное видение не удовлетворяется познанием явлений в их налично-данных связях и отношениях; оно не ставит себе такую задачу (это входит в функцию науки). Оно подходит к ним с встречным априорным (общественно-выработанным) ценностно-гуманистическим требованием, выражающим представления о максимально совершенном (образцовом) типе межчеловеческих отношений. Мораль, следовательно, не просто знает свой предмет; она судит (оценивает) его, требует от него соответствия своим понятиям о правде и справедливости.

Как практическое (волевое) самосознание мораль основывается на реальном противоречии действительности – на несовпадении мира,

каков он есть (сущее) и мира, каким он должен быть сообразно с гуманно-развитыми представлениями и чаяниями людей (должное). Это противоречие всегда присутствует в моральном сознании, составляет его живую душу, его чувствительный нерв и является тем творческим принципом, который порождает нравственные стремления, а вместе с ними и сам нравственный миропорядок. Мораль и есть одновременное осознание мира таким, каков он реально дан, и свободное волеизъявление, усилие сделать его таким, каким он идеально задан. Отражая бытие, моральное сознание повелевает, чтобы и оно, в свою очередь, отражало в себе ценностно-духовные приобретения человека. В нравственном («практическом») применении человеческое познание непосредственно активно, созидательно: как ни в каком другом случае, претензия морали возвести сущее в ранг должного подтверждает неоспоримое положение о том, что сознание не только отражает объективный мир, но и совершенствует его.

Должное ценностно-необходимое бытие рассматривается в моральном сознании как цель человека, смысл его жизни. Взятая как идеально-совершенный и целостный образ будущего, в котором гармонически преодолеваются реальные противоречия и несовершенства человеческой жизни, эта должная действительность и получила название нравственного идеала. В истории культуры обычно образ совершенной и моральной истины, то есть идеал, выражался в представлении о личности, максимально воплощающей в себе долженствовательные человеческие качества. Нравственный идеал – это, по существу, совершенный человек, удовлетворяющий требованиям и предписаниям нравственной воли. Эта «антропоцентричность» нравственного идеала не является его недостатком и пороком, незрелостью или субъективной прихотью. Иным он и не может быть, его «антропоморфность» неизбежна, ибо для человека самая гуманная и достойная его цель – он сам, его развитие и самоутверждение в мире на ценностных началах истины, добра и красоты. В нравственном идеале человек проектирует самого себя, свои лучшие качества и предельно возможные способности. И это справедливо по отношению ко всем историческим системам морали, начиная от исторической этики «культурных героев» всех древних народов и кончая нравственными убеждениями и верованиями современности.

Собственно «антропоморфностью» и определяется деятельно-преобразующая, гуманизирующая функция идеала в обществе. Его ценностный смысл глубже, тоньше и интимнее, чем у моральных норм и заповедей. Он не имеет того строгого, ригористического оттенка, который неотлучно сопровождает оценки и требования нравственности. Долженствовательно-аскетический, чувственно-ограничивающий мотив, свойственный нормативному сознанию как таковому, в идеале снимается; он претворяется в положительную ценностную установку, в программу нравственно-практической активности исторического субъекта. Здесь, собственно, и начинается то, что является действительным моральным преобразованием мира: эмпи-

рическое, чувственно-видимое бытие преобразуется и облагораживается по предписаниям нравственного долга и совести.

По своей структуре нравственный идеал – понятие амбивалентное и включает в себе двуединый смысл, обусловленный противоречивой природой морального сознания. Противоречивость идеала состоит в том, что он совмещает в себе налично-существующее бытие (сущее) и воображаемый, реально несуществующий образ (должное). Он есть и в то же время его нет; он и реален и идеален; и чувственно зрим, и ценностно, духовно мыслим в качестве предмета человеческого замысла и воли. С одной стороны, как и всякая идея, идеал не существует в качестве реальной вещи, фактического положения дел, иначе бы он был не идеалом, а чем-то другим. Его смысл и назначение не в том, чтобы быть эмпирическим, общественно-природным состоянием (вещью), а в том, чтобы возвышаться над ним, опережать его в нравственно-познавательном проекте и хотении общественного субъекта. По словам Г.В. Плеханова, идеал – это «действительность завтрашнего дня, и как таковой он наличен пока еще только в нашем сознании, остается в границах нашей ценностно-волевой заданности».

Но, с другой стороны, нравственный идеал – нечто большее, чем обыкновенная идея, между ними отличия как гносеологического, так и ценностного порядка. Идея есть не что иное, как содержание предмета, данное в человеческом понятии. Она формируется преимущественно как объект мышления, как то, что знают и познают, и потому ее материнская стихия – человеческое познание. Будучи предметом мысли, она выражает объективные связи и зависимости социальной и природной реальности. Через нее удовлетворяется человеческая потребность в раскрытии мировых загадок и тайн. Существо идеи в том, что она – мыслимый объект, внутренняя сторона внешнего мира, раскрываемая человеком в его познавательном опыте. Идеал, как стоящая над обыкновенным фактом ценность, – также есть идея. Но выражает этот идеал прежде всего не стороны объекта, а возможности субъекта; он – образ субъективно-человеческой реальности, то есть образ самого человека, по своим качествам превосходящего живого конкретно-исторического индивида.

Соответственно отличается коммуникация идеи и идеала с жизнью, практическим опытом. Идеи (например, идея «свободной воли» электрона в физике, идея предела в математике) могут иметь смысл и оправданность в той или иной системе знания безотносительно к непосредственным жизненно-практическим интересам. Их значимость измеряется системой знаний, в которой они находятся. Совсем другое дело в идеале. По своему смыслоназначению он – не объект бесстрастного созерцания; он не просто идеально воспроизводит, репродуцирует окружающий мир – не в этом его существенный признак. В идеале человек программирует свое второе Я, свободное от духовных и физических несовершенств, преодолевает (идеально) свою собственную ограниченность. И потому идеал – предмет не столько познающего мышления, сколько морально-волевого хотения: идеи мыслятся, к идеалам стремятся. Он потому и

становится определяющим основанием поступков людей, что в нем они рассчитывают обрести свою нравственно-заветную «выгоду» – то, что издавна было названо благом, человеческим счастьем. Именно поэтому за идеал можно бороться или даже жертвовать жизнью.

Действительность и ее моральное осознание в идеале совпадают, взаимообуславливают, взаимопорождают друг друга. Поэтому идеал есть в сознании воплощенная реальность: в сознании, поскольку этой реальности фактически еще нет, и тем не менее воплощенная, поскольку мыслится чувственно-конкретно, зримо, осуществлено. Подлинный нравственный идеал не вытесняется за пределы повседневно-насушних забот и привязанностей, но и не отождествляется с ними. И в этом его разумное равновесие между мышлением и бытием, субъектом и объектом, сущим и должным.

Как и положено идеалу, ему свойственны героико-романтическая устремленность, недовольство налично-данным состоянием вещей; ему не противопоказана даже мечтательность. Любой идеал так или иначе предполагает долженствовательное требование – «надо мечтать». В мечтательных грезах, в романтических прозрениях заявляет о себе деятельностная сущность человека, его творчески-дерзостная претензия на свободное самоутверждение, на предельное раскрытие своих внутренних сил и возможностей. Романтический, прометеевский дух в человеке изначально причастен ему. Утрачивая его, человек теряет свое творческое конструктивно-художническое призвание, мир перед ним обедняется, свертывается, меняет праздничные декорации на прозаические: идеал замещается сплинном, возвышенные перспективы – косным и узким кругозором, «безумный» пафос одержимости – убого понимаемым рационализмом, наивно-трогательное бескорыстие – конъюнктурой и эгоистическим жестом.

Но действительный идеал вовсе не сводится, не приравнивается к мечте, тем более к расслабленному мечтательству, праздному мифотворчеству: умно мечтать и впадать в мечтательность – не одно и то же. Романтизм – понятие конкретное, имеет определенные границы, переходя которые он теряет почву и превращается в умозрительную спекуляцию, в отвлеченную мечтательность. Лучший способ испытать идеалы на прочность, на выживаемость – сопоставить их с опытом, с интересами людей, с задачами, которые они себе ставят, с фактическими предпосылками и возможностями их решения. Если идеалы выдуманы, надуманы, социально беспочвенны, то они никогда не станут существенно-значимой ценностью, то есть ни общественным мнением, ни оправдывающим себя убеждением, ни мотивом жизненно-практического совершенствования. С такими идеалами лучше расстаться, ибо они безотносительны к фактическим реалиям жизни.

Однако, будучи связанными с фактами, идеалы тем не менее не растворяются в них, должное не становится сущим – это означало бы обесценение, деморализацию морали. Реализм без идеала, без романтического томления по должной жизни – не подлинный, не творческий реализм. Лишенный дерзания и понятый в плоско-вульгарном смысле, такой реализм не покоряет действительность

воле и знанию человека, не претворяет ее в ценностный мир культуры. Наоборот, такой реализм приспособливает человека к вещи, низводит его самого до уровня вещи. В жизни он ведет к конформизму, к вещественно-потребительскому гедонизму и духовному инфантилизму, в теории – к идеологии бездуховного, инстинктивно-натуралистического восприятия и понимания человека. Подлинный, научный реализм – деятельно романтичен. Он не только предметное, действительное воззрение на мир, но – что еще важнее – действительно прогрессирующее движение, которое на деле, в ходе исторической практики преобразует мир, приводит его в действительное соответствие с нравственными требованиями сознания, то есть с идеалом.

2. Своеобразие ценностного измерения эстетического

Многие понятия, прочно утверждавшиеся в философском лексиконе на правах научных категорий, на самом деле являются проблематичными. Они не вызывают сомнений лишь потому, что мы свыклись с их мнимой самодостоверностью и не задумываемся о надежности эпистемологических оснований, на которых они покоятся. К таким понятиям относится понятие эстетического. В самом понятии «эстетика» заложена антиномия, препятствующая его адекватному толкованию. Соотношение гносеологического и ценностного в нем не поддается нормативной характеристике. В традиции, идущей от Баумгартена, эстетика рассматривается как раздел теории познания, исследующий сферу чувственности (таковой она является и в античной гносеологии); наоборот, в традиции, идущей от Канта (периода «Критики способности суждения»), она понимается как учение об экзистенциально-оценочных высказываниях (суждениях вкуса), не расширяющих и не углубляющих наших знаний. Вводит в заблуждение уже термин «Эстетика (от греч. aesthesis – ощущение, чувственное восприятие), семантический смысл которого не совпадает с сущностью эстетики как теоретической доктрины.

Никто не осмелится утверждать, в какой мере эстетика отвечает своему первородному сенсуалистическому значению. Отсюда перед эстетиками-специалистами открывается удручающая перспектива разговаривать на разных языках, в особенности при обсуждении произведений искусства. Если, к примеру, эстетика полностью соответствует своему сенсуалистическому звучанию, то есть является учением о чистой чувственности, то пришлось бы исключить из эстетики поэзию, поскольку в ней слишком много мыслей; хотя чувственность, живописная образность не противопоказана поэзии, но и не составляет неперемennyй признак ее подлинных образцов. Спрашивается, что же останется на долю эстетики, если образность и другие слагаемые стихотворного сочинения с успехом могут быть изучены поэтикой – наукой о принципах, приемах и средствах литературного творчества.

Если эстетика не отвечает своему названию и занимается исследованием умозрительной идеи прекрасного (содержанием искусства), то музыка как воплощенная чувственность, по видимому, выпадает из ее компетенции, ибо идея сама по себе, немзыкальна. Достоинство музыки определяется не какой бы то ни было идеей, а

эффектом переживания материализованного музыкального текста; в противном случае окажется, что философы, отвлеченно рассуждающие о музыке, больше разбираются в ней, чем музыканты, создающие музыку, но не способные или не склонные философствовать о ней. Не логичнее ли в таком случае допустить, что задача осмысления и интерпретации музыки может быть квалифицированное выполнение специалистами искусствоведения и музыковедами.

Философская эстетика, таким образом, сталкивается с дилеммой: или она как порождение непомерных притязаний философии (начиная с Платона) должна отказаться от незаслуженной привилегии понимать и трактовать искусство, предоставив это право специальным наукам об искусстве и художественном творчестве (к чему склонялся уже Аристотель), или же она обязана точно обозначить предметные границы и методологическое своеобразие своей деятельности и тем самым, пройдя через очистительный опыт самосознания, оправдать свое существование.

Фундаментальный признак эстетической реальности можно обозначить как оформленную предметность, или предметную выразительность, данную непосредственно и воспринимаемую как самодовлеющая ценность. Любой эстетический объект с этой точки зрения принципиально эпифаничен, то есть явлен нам в своей конструктивной определенности, в непосредственной данности чувственной формы, в образе. Неоформленная реальность (воспринимаемая чувственно или в мысли) — лишь хаотический субстрат эстетических предметов, потенциальная предпосылка красоты. Всякая неопределенность или незрелость формы — просто реальность, но никак не эстетическая. Условность эстетического предмета (образа) всегда уравнивается (ограничивается) безусловностью его «лица», его фактуры, олицетворенной в индивидуальной форме. Аморфность и алогичность разрушают эстетическую реальность, ибо они бесструктурны, не «связаны» формообразующей волей, в них нет ритма, органичности, симметрии и гармонии, «собирающих» многообразие разрозненных частей в конструктивное совершенство целого. Красота — ничто, если она не материализовалась, не приобрела своего «лица». Чтобы ей состояться, она должна осуществиться, перейти от модуса потенциальности к модусу реальности, должна «разрешиться вовне» и приобрести предметно-чувственную выразительность формы, ибо только воплощение, образотворческий акт делает возможным прекрасное как таковое.

Всякий умозрительный взгляд на эстетическую реальность неизбежно подменяет ее какой-нибудь идеей (метафизической или гносеологической, морально-идеологической или религиозной), совершая тем самым эстетически противоправную процедуру, ибо идейность красоты не совпадает с ее сущностью. Эта сущность — в оригинальности, неожиданности и неотразимости самой формы эстетического объекта. Ни трансцендентные, ни имманентные глубины не содержат в себе смысловую субстанцию прекрасного, ибо субстанциальность эстетического — в абсолютном приоритете индивидуально-являющейся формы. Красота не существует, пока она не роде-

на, не выражена в форме. Эстетический предмет и есть выраженный смысл, причем не обязательно в канне или звуке, на полотне или в слове. Кроме материи физических вещей есть еще и «материя» наших мыслей и настроений, которые также могут быть ясными или смутными, оформленными или не оформленными, выраженными или не выраженными, следовательно, эстетическими или не эстетическими.

Духовные реалии эстетичны лишь в том случае, если они организованы в особые, «умные» структуры, так называемые «внутренние формы» (обозначенные Гегелем), представляющие собой более высокую и уточненную степень опосредования смысла на пути к его предметно-чувственному выражению (например, метафоры, поэтические тропы, логические фигуры). Внутреннее при этом не равнозначно какому-то содержанию, скрытому в недрах формы. Для эстетики по ту сторону внешней формы или нет ничего, или же есть формы второго (внутреннего) порядка, некие смысловые модели, или структурированные образы, которые, разумеется, недоступны эмпирическому восприятию, но вполне доступны сверхчувственному созерцанию (умозрению). Называясь внутренним, эти формы тем не менее не перестают быть внешними пред-данными эстетическому сознанию: обнаруживают себя перед непосредственным (интуитивным) взором наблюдателя, являются ему в чистоте своего формально-эстетического бытия.

Субъект и объект эстетической реальности равным образом причастны к ее сотворению, но доля и права этой причастности неравноценны. Объект выполняет пассивную функцию; он всего лишь провоцирует художественный процесс, пробуждает сознание к эстетическому опыту. Сам по себе он эстетически безразличен и несет в себе лишь исходную материю (возможность) прекрасного. Эта материя не воскреснет в красоте, пока ее не коснется свободный акт созидания. Он содержит в себе нормативно-законодательное требование, взыскующее прекрасных образов и претворяющее беспорядочность нейтральных к красоте предметов в наличный эстетический опыт. Причем субъект не навязывает действительности некие априорные эстетические формы или смыслы. Таковых в нем нет. Существенно то, что образы, переживаемые субъектом в качестве эстетических, создаются художественной волей из материала подлежащей реальности. Генеративный источник прекрасного — ни в объективности вещей, ни в субъективности ментальных структур; он — в творческой незавершенности субъекта, в его потребности созерцать внешний мир в формах, отвечающих его эстетическому инстинкту. Сами эти формы — продукт игровой активности воображения, которое, однако, бессильно реализовать себя, игнорируя чувственную предметность живого опыта. Воображение ищет и предвосхищает эстетическую предметность, но находит ее не внутри, а вне себя, в стихии чувственной реальности, в практике художественного созерцания и творчества.

Это, разумеется, не значит, что эстетическая реальность существовала в готовом виде до ее восприятия субъектом, как бы ожидая, когда ее обнаружат. Объективность эстетического предмета и акт его субъективного сотворения в сущности единовременны, ибо

красота неотделима от умения ее видеть. Прекрасная вещь вне ее эстетического переживания невозможна. Если же она все-таки мыслима вне субъекта, то лишь в качестве мнимой величины, лишенной конкретности выражения (художественной формы). Только усилие субъекта, напряжение его эстетической воли побуждает прозаическую реальность к поэтической жизни, вынуждает ее прорасти формообразующим смыслом и проявиться в красоте формы. Художник подобен волшебнику, который заклинаниями принуждает естественную природу служить ему и поступать сверхъестественно. Мастерство художника и есть его волшебство, с помощью которого он выводит вещественный мир за границы естественно возможного, то есть создает вещи, обогащающие естественный миропорядок. В этом и состоит так называемая магия искусства. При этом труд художника менее всего напоминает произвольное сочинительство, ибо красоту нельзя измыслить, ее можно только реализовать. Подлинный мастер – послушное и терпеливое дитя особой, надприродной необходимости, в силу которой эстетическая воля субъекта ищет и находит свое воплощение в предметности объективных морфоструктур. Красота, следовательно, объективно не дана тому, кто хотя бы в воображении не производит ее сам, кому отказано в потребности жить ею и в способности ее восчувствовать. Эстетический субъект тем и отличается от всякого другого субъекта, что в привычном он находит непривычное, в стандартном – уникальное, в естественном – сверхъестественное, в повседневном – чудесное, ибо, по выражению Ф. Кафки, для художника «обычное – уже само по себе чудо».

УДК 101.3

Э. К. Скиба

Государственный ВУЗ «Национальный горный университет»

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФСКОГО И ФЕМИНИСТСКОГО ДИСКУРСОВ

Розглянута взаємодія філософського і феміністського дискурсів.

Ключові слова: класична філософія, феміністська теорія, метод «пробудження свідомості», феміністська філософія.

Рассмотрено взаимодействие философского и феминистского дискурсов.

Ключевые слова: классическая философия, феминистская теория, метод «пробуждения сознания», феминистская философия.

Interaction of the philosophic and feminist discourses is analysed.

Keywords: classical philosophy, feminist theory, method of «consciousness awakening», feminist philosophy.